© 2006 г. Р. НИЦОЛОВА

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ И АДМИРАТИВНОСТИ
С КАТЕГОРИЯМИ ВРЕМЕНИ И ЛИЦА ГЛАГОЛА В БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ**

В статье рассматривается сложное взаимодействие грамматических категорий эвиденциальности и адмиративности по отношению к грамматическим категориям лица и времени в болгарском языке. Автор указывает, что сначала темпоральное значение перфекта в оппозиции к темпоральным значениям имперфекта и аориста дало возможность развиваться новой оппозиции эвиденциального характера – “прямая засвидетельствованность – косвенная засвидетельствованность”; позднее отдельные эвиденциальные варианты опосредованной засвидетельствованности этой новой грамматической категории образовали собственные темпоральные парадигмы, отличающиеся от индикативной. В болгарском языке эвиденциальные грамлеммы обладают определенным грамматическим значением, каждое из которых входит в сложные взаимоотношения с множеством лингвистических и экстралингвистических факторов в тексте, т. к. эвиденциальность в широком смысле слова – это категория текста, а глагольная эвиденциальность – это лишь один из способов ее выражения, хотя этот способ является центральным.

Грамматические категории (далее ГК), как известно, характеризуются единством формы и значения, т.е. определенные значения регулярно выражаются определенными грамматическими формами в рамках данного класса лексем. При этом ГК являются структурами, члены которых (минимум два), обозначая один общий признак, различаются между собой на основе выражения иных, более частных признаков. В лингвистике до сих пор преобладает самостоятельное описание ГК, но в последние десятилетия наблюдается интерес к связям между ними (см., например [Vubee 1985; ГК 2003] и др.).

Мы полагаем, что хотя и во флективных языках нередко одна и та же морфема может выражать больше чем одно грамматическое значение из репертуара разных ГК, основным полем для взаимодействия ГК является прежде всего план содержания, который соотносится и с коммуникативно-прагматическими факторами при выборе форм. Далее в статье мы рассмотрим *потенциал межкатегориального взаимодействия* (термин Бондарко [Бондарко 1996: 53]) ГК эвиденциальности и адмиративности по отношению к ГК лица и времени глаголов в болгарском языке. Это взаимодействие вызывает интерес, поскольку его анализ позволяет определить: а) как определенные семантические признаки одной ГК могут являться основанием для возникновения новой ГК; б) каким образом семантические признаки одной ГК “выбирают” признаки грамлем другой ГК, с которыми может сочетаться первая ГК.

Наши наблюдения базируются на данных болгарского языка, который с точки зрения выражения эвиденциальности и адмиративности является одним из языков с наиболее развитой грамматикализацией [Плунгян 2003: 324]. Типологически болгарский язык принадлежит к большому Балкано-западноазиатскому ареалу, в который входят языки разных семей: албанский, турецкий, азербайджанский, персидский, таджикский, западноармянский, грузинский, непальский и др. [Guentchéva 1996a: 12; 1996b]. Для этих языков характерно то, что в них опосредованная эвиденциальность выражается аналитическими глагольными формами, образованными на основе перфекта.

Эвиденциальность представляет собой выражаемое языковыми средствами когнитивное состояние говорящего, связанное с получением информации из определенного

источника, а также ее когнитивную классификацию, которая может быть различной для одного и того же сообщения в разное время.

Источники информации могут быть разных типов: например, говорящий сенсорно воспринимает ситуацию Р, он приходит к умозаключению о существовании Р на основе определенных данных, он узнает о Р с чужих слов и т.д. Как правильно заметил Лазар, говорящий как бы раздваивается в двух лицах – одно лицо, которое приобрело информацию, а другое, которое ее выражает [Lazard 2001: 362].

Эвиденциальная система болгарского языка состоит из 4 граммем: *индикатив*, *конклюдив*, *ренарратив* и *дубитатив*. В табл. 1. представлена система болгарских эвиденциальных форм в комбинации с модальными формами – гипернаклонениями и наклонениями.

Таблица 1

Наклонения актуальной речи	Наклонения воспроизведенной речи
Гипернаклонение реалис I	Гипернаклонение реалис II
Индикатив (9 времен)	Ренарратив (5 времен) Дубитатив (4 времени)
Конклюдив (5 времен)	х
Ирреальные наклонения I	Ирреальные наклонения II
Условное наклонение	
а) Аналитическое условное наклонение	х
б) Синтетическое условное наклонение (2 времени)	Ренарративное синтетическое условное наклонение
Императив	(?) Ренарративный императив

Примечание. Знак **х** обозначает, что формы данного вида речи используются и в другом виде речи (о формах времен см. табл. 2).

Что касается соотношения эвиденциальности и модальности, то в языкознании существуют три теоретические точки зрения:

а) модальность и эвиденциальность находятся в отношении дизъюнкции (т.е. эти понятия существенно отличаются друг от друга) – в этом случае речь идет об эвиденциальности в узком смысле слова;

б) модальность и эвиденциальность находятся в отношении инклюзии, т.е. в понятие эвиденциальности включается достоверность знания говорящего (тогда речь идет об эвиденциальности в широком смысле слова) или (чаще) принимается другое решение: эвиденциальность включается в состав эпистемической модальности (см., например [Козинцева 1994: 98]);

в) понятия модальности и эвиденциальности частично пересекаются друг другом (overlapping); обычно имеется в виду инференциальная эвиденциальность – конклюдив (см. [Dendal, Tasmowski 2001: 341–342, De Haan 1999]).

В болгарском языке модальность и эвиденциальность, с нашей точки зрения, являются разными грамматическими категориями [это мнение в последнее время высказывается многими исследователями (см. в частности [De Haan 1999; Aikhenvald 2003]); В.А. Плуноян [Plungian 2001: 354] также считает, что эвиденциальные системы на Балканах модализованы]. Это частичное пересечение значений двух ГК наблюдается во всех эвиденциальных разновидностях, ср., например, дубитатив – выражение сомнения в истинности передаваемой чужой речи, конклюдив – обозначение слабого, незасвидетельствованного знания, базирующегося на общем опыте данного общества или на соб-

ственном умозаключении на основе известных фактов, в отличие от индикатива, которым выражается знание, базирующееся на личном восприятии говорящего или на общем опыте, и т.д.

Модальность в сочетании с эвиденциальностью разным образом грамматикализируется в зависимости от двух видов речи, т.е. актуальной речи, которая “производится” говорящим, и воспроизведенной речи, которая создана в другом акте речи обычно другим автором и передается говорящим вторично в акте речи. Когда в актуальной речи говорящий обозначает реальное действие, т.е. действие в возможном мире, которое совпадает с действительностью, налицо две эвиденциальные разновидности: индикатив и конклюдив, а когда автор речи обозначает в воспроизведенной речи реальное действие, налицо также две эвиденциальные разновидности: ренарратив и дубитатив. Следует отметить, что в воспроизведенной речи в зависимости от наличия лексических маркеров эвиденциальности и разного рода синтаксических конструкций имеют место и формы индикатива и конклюдива. У конклюдива нет эвиденциального варианта в воспроизведенной речи (иное мнение по данному вопросу высказывается в работах [Куцаров 1999; Молошная 1995]).

Аналитическое условное наклонение типа болг. *бих писал* ‘я писал бы’ используется и в актуальной, и в воспроизведенной речи, но у редкого, почти исчезнувшего теперь синтетического условного наклонения – типа *ядва* (3 л. ед. ч. наст. вр.), *ядваше* (прошедшее время с имперфектными окончаниями) ‘он бы ел, он был готов есть’ – существует ренарративное соответствие в воспроизведенной речи *ядвал* ‘Х говорит, что он бы ел’, которое в современном болгарском узусе почти не встречается. Надо отметить, что в тюркских языках в воспроизводимой речи “пересказываются” и формы ирреальных наклонений (без повелительного и условного) [Герджиков 1984: 94].

В болгаристике ведется дискуссия, существуют ли в воспроизведенной речи специальные ренарративные формы императива [*Чети повече!* – *Да съм четял повече!*, т.е. *Читай больше!* – (X сказал, чтобы я больше читал!), так как формы типа *да съм четял* более точно соответствуют аналитическим модальным *да*-формам настоящего времени индикатива с повелительным значением в актуальной речи: *Да четеш повече!* – *Да съм четял повече!* *Читай больше!* (более интимно и строго, чем императив) – (X сказал, чтобы я больше читал!). Во всяком случае формы типа *да съм четял* сообщают о волеизъявлении третьего лица, а не говорящего, и предложение с этими формами является декларативным, а не повелительным.

Эвиденциальность в болгарском языке – это грамматическая категория, которую можно представить следующими основными измерениями, не упорядоченными иерархически, хотя и взаимодействующими (см. [Squartini 2001: 301]):

1) собственная информация (индикатив, конклюдив): информация со слов другого лица (ренарратив, дубитатив);

2) информация, основанная на личном опыте: информация, основанная на общем опыте, т.е. то, что изучается в школе, распространяется в средствах массовой информации, известно в семье, в городе, в государстве и т.д.;

3) информация, непосредственно полученная говорящим (индикатив): опосредованная (медиативная) информация (конклюдив, ренарратив, дубитатив);

4) по способу получения информация различаются: сенсорное и эндоформное восприятия психических и физиологических процессов говорящего, умозаключение, чужая речь [Козинцева 1994; Plungian 2001: 353].

Если первая и третья дихотомии независимо от состава форм и эвиденциальных вариантов являются общими для эвиденциальности вообще, то грамматикализация способа получения информации является разной в различных языках. В болгарском языке одинаковым образом грамматикализируется через формы индикатива сенсорная и эндоформная засвидетельствованность говорящего по отношению к его собственным психическим и физиологическим процессам, например: *аз виждам* ‘я вижу’, *аз се радвам* ‘я радуюсь’, *аз мисля* ‘я думаю’, *аз се страхувам* ‘я боюсь’, *студено ми е* ‘мне холодно’,

тресе ме ‘меня знобит’. В албанском языке в этом случае употребляется адмиратив, который выражает ‘необходимую интенсификацию’ [Duchet, Pëmaska 1996: 36].

В отличие от турецкого языка, в котором при рассказе о своем сновидении используют опосредованные *mlş*-формы, чтобы определить в начале пространственно-темпоральную рамку, и лишь потом начинают использовать *di*-формы, параллельные болгарскому аористу индикатива [Meydan 1996: 130–131], в болгарском языке при рассказе о сновидениях употребляются только формы индикатива – настоящего исторического времени или аориста с дополняющими временами в используемой системе нарративных времен.

Индикатив выражает не только информацию, основанную на личном опыте говорящего, но и информацию, основанную на общем опыте, т.е. то, что известно в семье, в кругу друзей, коллег, в данном городе или деревне, в данном государстве или известно людям вообще, ту информацию, которая изучается в школе, которая передается в средствах массовой информации, в книгах и т.д. Например:

(1) *Молекулата на водата съдържа два атома водород и един атом кислород* ‘Молекула воды содержит – PRS IND: 3SG IND: 3SG F на цигулка.’

Формами конклюдзива выражается:

а) собственная информация говорящего, базирующаяся на умозаключении, которое строится на основе определенных данных [см. (5)] или

б) информация говорящего, основанная на общем опыте. Разница в сравнении с индикативом в последнем случае состоит в том, что информация, переданная индикативом, выражает “сильное” знание, а информация, переданная конклюдзивом, – “слабое”, опосредованное знание, которое не связано с личными восприятиями говорящего. При этом способ получения информации не характеризуется, как и при употреблении форм в индикативе, например:

(2) *В детството си майка ми е свирела* – IMPF C: 3SG: F на цигулка.

‘В детстве моя мать играла на скрипке’.

Ренарративом и дубитативом грамматикализуется чужая речь как источник информации. Разница между ними состоит в том, что при ренарративе говорящий сообщает, что он передает модальную оценку автора речи об истинности передаваемой информации, а не свою собственную, но как бы соглашается с этой оценкой. При использовании форм дубитатива говорящий выражает сомнение в истинности передаваемой информации, т.е. не принимает модальной оценки автора речи.

Модель описания значения предложений с эвиденциальными граммемами

В языкознании все еще не существует общепринятой модели описания значений эвиденциальных граммем. Имея в виду то, что значение эвиденциальности глагольной формы отражает в повествовательном предложении когнитивные состояния говорящего, связанные с получением передаваемой информации, или предполагаемые говорящим когнитивные состояния адресата того же типа, если предложение является вопросом, можно представить значение эвиденциальных граммем как пресуппозицию к данному предложению с точки зрения говорящего и как импликацию с точки зрения слушателя. Эти пресуппозиции остаются теми же самыми как при положительной и отрицательной форме глагола, так и при вопросе; в последнем случае меняется лишь субъект когнитивного состояния – это не говорящий, а адресат (ср. [Fitneva 2001: 413–414]). Мы представляем себе семантику болгарских эвиденциальных граммем в повествовательных предложениях следующим образом, реализуя принципы семантического метаязыка толкований, сформулированные Ю. Д. Апресяном [Апресян 1995: 466–482]:

В предложениях с индикативом пресуппозиция *я знаю неопосредованно, что p* допускает более конкретный вариант – указание способа личной информированности: *я знаю в качестве свидетеля, что p*, например:

(3) *Иван замина* – AOR IND:3SG.

‘Иван уехал’ (например, я его увидел, когда он сел в машину),

в отличие от информированности, основанной на общем опыте, когда способ получения информации не конкретизируется; пресуппозиция выражает: *я знаю из общего опыта, что p*, например:

(4) *Втората световна война завърши* – AOR IND:3SG през 1945 г.

‘Вторая мировая война окончилась в 1945 г.’.

Ассерция: *я утверждаю, что p*.

В повествовательных предложениях с конклюдзивом представлена общая пресуппозиция: *я знаю опосредованно, не в качестве свидетеля, что p*, которая имеет более конкретный вариант: *я считаю на основе умозаключения, что p*, если налицо умозаключения говорящего на основе известных данных, например:

(5) *Иван е заминал* – AOR C:3SG:M. (*Куфарът му не е в коридора*)

‘Иван уехал (В коридоре нет его чемодана).’

Ассерция: *я утверждаю, что p*.

Ср. другой, более общий вариант: *я знаю не в качестве свидетеля, но из общего опыта, что p*; информация говорящего основана на том, что в данном обществе известно, например:

(6) *Тогава дядо ми е пел* – IMPF C:3SG:M *в църквата*.

‘В то время мой дед пел в церкви’.

Ассерция: *я утверждаю, что p*.

Благодаря общему признаку “опосредованность личной информации говорящего” слабое знание на основе общего опыта, когда говорящий подчеркивает, что он не был свидетелем передаваемой ситуации (6), и мнение на основе собственного умозаключения (5) выражаются одними и теми же формами.

В предложениях с ренарративом пресуппозиция: *я знаю, что X сказал (написал), что p*. Например:

(7) *Иван заминал* – AOR R:3SG:M.

‘(X сказал, что) Иван уехал’.

Ассерция: *я утверждаю, что X утверждает, что p*.

Если ренарративная форма отрицательна, ассерция приобретает вид: *я утверждаю, что X утверждает, что ¬p*, то есть *я утверждаю, что X не утверждает, что p*, например:

(8) *Иван не заминал* – AOR R:3SG:M.

‘(X сказал, что) Иван не уехал’.

Когда ренарратив используется в повествовательных высказываниях для пересказывания императива или аналитических модальных *да-, нека-, нека да-*форм настоящего времени индикатива с повелительным, пермиссивным или оптативным значением, у которых формы разного лица и числа одной парадигмы имеют разное значение и используются в высказываниях с различной иллокуционной силой, пресуппозиции имеют вид: *я знаю, что X приказал / позволил / пожелал p*, а ассерции имеют вид: *я утверждаю, что X приказал / позволил / пожелал p*. Например:

(9)... *той се заслушва в думите ѝ. (...) Да окопаел* – *da-form PRS R:3SG:M лозето*

‘...он заслушивается в ее слова (...) Чтобы он окопал виноградник!’ (Стратиев).

Пресуппозиция: *я знаю, что X приказал p*.

Ассерция: *я утверждаю, что X приказал p*.

В предложениях с дубитативом пресуппозиция: *я знаю, что X сказал (написал), что p*, но *я сомневаюсь, что p*, т.е. *я думаю, что более вероятно ¬p*. Например:

(10) *Иван бил заминал* – AOR DUB:3SG:M.

‘Иван якобы уехал’.

Ассерция: *Я утверждаю, что X утверждает, что p*.

Можно дискутировать по поводу того, является ли различие между ренарративом и дубитативом эвиденциальным или модальным. Отношение X-а, автора речи, к действию в обоих случаях одно и то же – он считает действие реальным, но отношение говорящего, который воспроизводит речь X-а, в обоих случаях различается. Выбирая ренарратив, говорящий свидетельствует, что он не возражает против принадлежащей X-у

оценки истинности суждения, он лишь подчеркивает, что это оценка X-а, а не его собственная оценка. Выбирая дубитатив, он выражает возражение против такой оценки. При этом говорящий не сопоставляет само действие с действительностью, а лишь комментирует оценку действия X-а. Исходя из этого, мы включаем этот модальный элемент в пресуппозицию предложения с дубитативом, а не в его ассерцию: если бы мы это сделали, мы имели бы основание говорить о дубитативе как об отдельном наклонении, а не как об одной из эвиденциальных граммем, как считают обычно в болгарской грамматике из-за формального состава дубитатива, который изоморфен остальным эвиденциальным граммемам.

Впросительные предложения с эвиденциальными граммемами также связаны с пресуппозициями, которые содержат предположения говорящего об источнике информации адресата о пропозиции *p*, которая является истинным ответом на вопрос *Q*.

В предложениях с индикативом пресуппозиция означает: *я думаю, что ты знаешь как свидетель истинный ответ p на вопрос Q*, если ответ на вопрос связан с информацией слушателя на основе его личного опыта, например:

(11) Q: *Замисна* – AOR IND: 3SG *ли Иван?*

‘Иван уехал?’

или имеет вид: *я думаю, что ты знаешь истинный ответ p на вопрос Q на основе общего опыта*, например,

(12) Q: *Къде се намира* -PRS IND:3 SG *Куала Лумпур?*

‘Где находится Куала Лумпур?’

В вопросах с конклюдивом пресуппозиция означает: *я думаю, что ты знаешь опосредованно, не в качестве свидетеля истинный ответ p на вопрос Q*, так как вопросы обычно ставятся в связи с опосредованным знанием слушателя, а не в связи с его умозаключениями, когда у говорящего нет полной уверенности, что слушатель знает истинный ответ *p* на *Q*. Ср.

(13) Q: *Къде е пел* – IMPF C:3SG:M *дядо ти?*

‘Где пел твой дед?’

В вопросах с ренарративом пресуппозиция означает: *я думаю, что ты знаешь со слов X-а истинный ответ p на вопрос Q*. Например:

(14) Q: *И какво станало* – AOR R:3SG:N *после?*

‘И что случилось потом?’ – так спрашивают дети в форме аориста ренарратива, когда им рассказывают сказку, которая по правилу выражается ренарративом.

Семантика, связанная с сомнением в истинности пропозиции *p*, является причиной того, что дубитатив не используется в вопросах, так как говорящий ожидает истинного ответа на свой вопрос *Q*. (В работах Вежбицкой [Wierzbicka 1994; 1996], с которыми, к сожалению, я сумела ознакомиться лишь после того, как настоящая модель семантики предложений с эвиденциальными граммемами уже была готова, при описании эвиденциальной семантики также используются семантические примитивы *знать* и *думать*, но в обеих моделях в общем и при описании отдельных граммем болгарского языка существуют существенные различия, которые здесь нет возможности обсудить.)

Связь эвиденциальности с когнитивной классификацией информации

Следует подчеркнуть, что эвиденциальность не является просто механическим обозначением источника информации, как, например, записываются источники документов в канцелярской книге. Говорящий творчески использует эвиденциальную информацию, чтобы некоторым образом классифицировать в своем сознании информацию, которой он располагает.

В каждом высказывании говорящий классифицирует информацию сначала на основе того, имеет ли она уже место в фонде его “сильных” *собственных* знаний или нет. В первом случае говорящий использует индикатив, независимо от источника информации, а во втором – другие эвиденциальные граммемы. При этом возможно, как отметили в

известной работе Д. Слобин и А. Аксу [Slobin, Aksu 1982], что после первого получения данной пропозиции она попадает в сознании в определенный “ящик” в зависимости от своего источника, но через некоторое время может перейти в другой ящик. Так, в турецком языке “то, что было выражено формами с *-miş* сегодня, может быть сообщено формами с *-di* на следующей неделе или следующего месяца” [Slobin, Aksu 1982: 196], т.е. опосредованная информация, полученная с чужих слов, перемещается в фонд сильных знаний говорящего и позднее передается директивной формой. В болгарском языке, где эвиденциальная система более расчленена, наблюдается перемещение информации из “ящика” дубитатива или ренарратива, где она может быть поставлена в самом начале ее получения с чужих слов, в “ящик” конклюдива (имеется в виду неинференциальное значение конклюдива, когда выражается собственная опосредованная информация на основе общего опыта), и наконец информация может попасть в “ящик” индикатива, когда говорящий ее классифицирует как “сильное” знание [Ницолова (в печати)]. Например, говорящий получает впервые с чужих слов информацию, которую он воспринимает с сомнением, и поэтому передает дубитативом – *Петров бил станал директор* “(Говорят, что) Петров якобы стал директором”. Когда возникающее позднее сомнение в истинности информации исчезает, говорящий может передать ту же самую информацию ренарративом, обозначая, что он не несет ответственности за истинность информации: *Петров станал директор* “(Х сказал, что) Петров стал директором”. Еще позднее ту же самую информацию можно передать как слабое собственное незасвидетельствованное знание конклюдивом: *Петров е станал директор* “Петров стал директором, хотя я не был свидетелем этого”. Наконец, когда назначение Петрова уже стало общеизвестным фактом и информация о нем вошла в фонд сильных знаний говорящего, он может передать информацию слушателю, используя аорист индикатива: *Петров стана директор миналата година* “Петров стал директором в прошлом году”. Конечно, не всегда в узусе реализуются все эти возможные четыре степени перемещения информации, часто от дубитатива или ренарратива сразу переходят к индикативу.

Связь выражения эвиденциальности с информационно-классифицирующей деятельностью сознания очень затрудняет иностранцев при изучении болгарского языка, так как не всегда легко сформулировать правила выбора эвиденциальных граммем. При этом выборе оказывают влияние такие факторы, как способ получения информации, ее характер, семантика и прагматика текста, фоновые знания говорящего и слушателя о мире, стилистические нормы, если такие существуют и др. Подобное положение наблюдается и в турецком языке (см. [Meuydan 1996: 142]). Вопреки трудностям при формулировании точных правил выбора эвиденциальных граммем, мы не можем согласиться с мнением Фридмана [Friedman 1982], что в подобных случаях речь идет лишь о стилистических вариантах. В болгарском языке эвиденциальные граммемы обладают определенным грамматическим значением, каждое из которых входит в сложные взаимоотношения с множеством лингвистических и экстралингвистических факторов в тексте, так как эвиденциальность в широком смысле слова – это категория текста, а глагольная эвиденциальность – это лишь один из способов ее выражения, хотя этот способ является центральным [Ницолова 1984; 1993; Ницолова (в печати)].

Существует ли у эвиденциальных граммем градация степеней дистанцированности говорящего / адресата от передаваемой / получаемой информации с точки зрения ее достоверности?

В степенях дистанцированности говорящего от передаваемой информации с точки зрения ее достоверности при помощи эвиденциальных граммем намечаются два полюса: индикатив (отсутствие дистанции) и дубитатив (самая сильная дистанция), между которыми находятся конклюдив и ренарратив. С чисто логической точки зрения можно было бы думать, что конклюдив, который обозначает информацию из фонда собственных слабых, опосредованных знаний или информацию на основе собственного умоза-

ключения, выражает меньшую дистанцию, чем ренарратив, который обозначает информацию третьего лица. Оказывается, что в нарративных текстах и в косвенной речи конклюдив в первом указанном значении и ренарратив используются параллельно, что с чисто когнитивно-информативной точки зрения вполне оправдано, так как в обоих случаях реальный источник информации – это чужая речь. Однако при использовании ренарратива говорящий подчеркивает, что он не несет ответственности за истинность передаваемой информации, которую он получил от третьего лица, а при использовании конклюдива – что он не был свидетелем сообщаемого. Кроме того, следует иметь в виду, что конклюдив и ренарратив различаются формально лишь в 3 лице, а в 1 и 2 лицах эти формы совпадают.

Интересно, что слушатель не всегда воспринимает эти различия в дистанции к сообщению говорящим и может разграничивать сообщения по степени достоверности в зависимости от того, верит ли он вообще говорящему или нет, является ли говорящий для него авторитетным источником информации или нет, ср., например, авторитет Библии для верующего человека и авторитет некоторой бульварной газеты. Таким образом, на оценку слушателя могут влиять и разные экстралингвистические факторы. Психолингвистические эксперименты, проведенные Фитневой [Fitneva 2001] с болгарскими детьми, убедительно показывают, что с точки зрения слушателей идея о градации ступеней дистанционности в связи с конклюдивом и ренарративом не соответствует действительности. Мы считаем, что все-таки известная градация эвиденциальных граммем не только с точки зрения говорящего, но и с точки зрения слушателя существует, но лишь с ясно очерченными полюсами – индикатив и дубитатив; средние члены – конклюдив и ренарратив – тяготеют в своих употреблениях то к одному, то к другому полюсу и поэтому существенно не различаются с точки зрения дистанционности. При этом надо иметь в виду, что *интонация* может изменить или усилить дистанционность отдельных эвиденциальных граммем.

Адмиративом в болгарском языке выражается удивление говорящего от внезапно установленного факта непосредственно перед моментом речи, так как знание об этом факте контрастирует с предыдущим состоянием незнания (наше мнение очень близко к мнению Генчевой [Guentchéva 1990a: 51; ср. Guentchéva 1990b; 1993; 1995; 1996a; 1996b]). Адмиратив обозначает два когнитивных состояния говорящего, выраженных пресуппозицией высказывания: состояние незнания и состояние только что приобретенного знания о *p*, которое контрастирует с незнанием, имплицитующим и возможность $\neg p$. В.А. Плунгян пишет даже о выражении специального вида суждения – “суждения, связанного с ожиданиями говорящего” [Plungian 2001: 355]. Семантическую структуру высказывания с адмиративом *Ах, то валяло!* “Ах, оказывается, идет дождь!”, когда в погожий солнечный день говорящий внезапно видит, что идет дождь, можно представить следующим образом:

Пресуппозиция: *Я узнал, что p , и это меня удивляет, так как из-за моего предыдущего незнания считал возможным $\neg p$.*

Ассерция: *Я утверждаю, что p (дождь идет).*

Контраст между обозначаемой ситуацией, трактуемой перед моментом речи как возможной, и действительной ситуацией, обозначенной пропозицией *p*, является причиной удивления говорящего. Это удивление оказывается тем более значительным, чем больше была вероятность существования $\neg p$, по мнению говорящего, в данном случае, например, в погожий день вероятность того, что дождь не пойдет, значительно выше, чем наоборот, как в цитированном примере Вайганда. Другой пример:

Два героя одной повести хотят украсть золотой веночек с иконы, но когда после снятия венка один из них царапает его ножом, оказывается, что веночек в действительности не золотой. Тогда, употребляя форму адмиратива, он выражает свое сильное разочарование:

(15) *Туй не било* – PRS ADM:3SG:N *злато!* *Никакво злато не е* – PRS:IND:3SG.

‘Это оказывается не золото! Это никакое не золото! (Йовков)’ – пример Л. Андрейчина [Андрейчин 1976б: 346].

В этом примере проявляется специфика адмиратива по сравнению с индикативом. Адмиративом обозначается новая, неожиданная информация, а индикативом – информация, которая уже вошла в информационный фонд знаний говорящего, ср. так наз. “подготовленное сознание” (*prepared mind*) [Slobin, Aksu 1982: 197] или “сознание, которое уже включилось в картину мира говорящего” [DeLancey 2001: 379]. Обычно путь познания идет от незнания к знанию, и поэтому выражение этого пути не требует грамматикализации, а индикативом грамматикализируется лишь обозначение уже интегрированных знаний в информационном фонде говорящего, т.е. обозначение результатов познания. Только адмиративом грамматикализуется первая ступень познания – переход от незнания к знанию и связанное с этим удивление.

В последнее время в типологических работах нередко высказывается мнение, что адмиративность и эвиденциальность – это две разные семантические и грамматические категории. При этом следует учесть, что имеются в виду не только языки, где существуют различия между адмиративностью и эвиденциальностью, но и языки, где эти категории не связаны между собой. Таков, в частности, атапаский язык харе, в котором адмиративность выражается без связи с эвиденциальными парадигмами; ср. также английский язык, в котором нет грамматикализации эвиденциальности, а адмиративность как скрытая семантическая категория выражается интонацией [DeLancey 2001; Мельчук 1998: 197; Plungian 2001: 355]. Несомненно, с семантической точки зрения адмиративность и эвиденциальность различаются, так как эвиденциальность указывает на источник информации говорящего, а адмиративность маркирует информацию как новополученную и неожиданную, т.е. в данном случае налицо эпистемическое модальное значение в широком смысле слова. С другой стороны, болгарский язык, как и другие балканские языки, выражает адмиративное значение эвиденциальными формами, что свидетельствует об определенной близости между двумя категориями. В типологических работах и в болгаристике были сформулированы разные объяснения этого положения.

Заслуживает внимания мнение В. А. Плунояна, что адмиратив существует в балканских системах не потому что они маркируют эвиденциальность, а потому что в этих языках налицо тенденция к маркированию эвиденциальности в сочетании с модальностью [Plungian 2001: 355]. Однако его гипотеза, заключающаяся в том, что полисемия между адмиративом и инференциальными и / или квотативными маркерами обусловлена семантическим компонентом ‘низкой уверенности (переход от опосредованной эвиденциальной грамеммы к адмиративу)’, нуждается в доказательствах. Мы считаем, что семантический компонент *низкой уверенности* ни в коем случае не является обязательным для болгарского ренарратива и конклюдива, а в значении адмиратива вообще не имеет места, так как в предложениях с адмиративом ассерция та же самая, что и у индикатива. Кроме того, пока не доказано, что в болгарском языке ренарратив, соответственно, конклюдив перешел в адмиратив, – более вероятно, что в рамках современной глагольной системы формы адмиратива и ренарратива, образованные на основе разных семантических разновидностей перфекта, совпали (см. ниже).

Имея в виду сказанное выше, в чисто синхронном плане следует рассматривать адмиратив в болгарском языке не как самостоятельное наклонение или как самостоятельную грамему, а как контрастную транспозицию ренарратива, т.е. как употребление форм ренарратива в контексте и ситуациях, которые противоречат его значению [Куцаров 1999: 430]. Общее между ренарративом и адмиративом – то, что обе грамеммы обозначают в пресуппозиции высказывания прошедшие когнитивные состояния говорящего, при этом противоположного типа. Ренарратив указывает на предыдущее когнитивное состояние знания, когда говорящий получил информацию от другого лица, тогда как адмиратив, наоборот, указывает на предыдущее состояние незнания, отсутствия информации у говорящего. Кроме того, ренарративом выражается несобственная (старая), известная уже говорящему информация, а адмиративом – собственная, только что полученная новая информация.

Представляет интерес рассмотрение связи составных элементов эвиденциальности и адмиративности с ГК лица и времени. Категорию *лица*, которая во флективных языках переплетается в семантическом и формальном плане с ГК *числа* глагола, обычно называют синтаксической или контекстуальной ГК, так как она согласуется с соответствующими признаками подлежащего (см., например [Kuryłowicz 1964; Booij 2002]) в отличие от ингерентных категорий (например, категории времени), которые имеют независимую значимость признаков. Конечно, можно спорить о том, является ли значимость грамматической категории *время* во всех случаях независимой от контекста (например, при выражении таксиса), ср. также явления, связанные с выбором темпоральных форм на уровне текста (ср., например, выбор разных точек зрения при определении интервала отсчета для темпоральной локализации данного действия), но во всяком случае ГК *время* более контекстуально и ситуационно независима, чем *лицо*.

Взаимосвязи эвиденциальности и ГК лица

ГК *лицо* является реляционной категорией, так как она характеризует предмет, которому приписывается признак при помощи финитной глагольной формы, по отношению к специфически человеческой деятельности – акту коммуникации. Поскольку в этом акте участвуют лишь две стороны – говорящий и адресат, давно уже отмечено в языкознании, что лишь формы 1-го и 2-го лица содержат информацию о “собственном лице”, а 3-е грамматическое лицо – это не лицо. Связанность ГК *лицо* с актом коммуникации является причиной ее взаимодействия с эвиденциальностью и адмиративностью.

В большинстве флективных языков в индикативе обычно не наблюдается больших различий в значении форм одного и того же времени в зависимости от лица. Иначе, однако, обстоит дело в сфере остальных эвиденциальных граммем, у которых в языках с разными типами эвиденциальности наблюдается не только разная частотность при употреблении форм отдельных лиц, нередко связанная и с семантическими различиями, но и ограниченное существование данных эвиденциальных граммем лишь в определенном лице [Ситов 2001]. В болгарском языке нет последнего ограничения, но существует ясно очерченное различие в частотности личных форм отдельных эвиденциальных граммем, некоторые из которых используются лишь в определенных коммуникативно-прагматических условиях. Кроме того, в болгарском языке существует распространенная синкретичность форм (см. табл. 2). Не случайно в прошлом некоторые авторы называли ренарратив “третьеличным наклонением” в связи с тем, что лишь в 3 л. существует формальное различие между формами ренарратива и конклюдива (см. табл. 2.). Это различие выражается присутствием вспомогательного глагола *съм* ‘быть’ в конклюдиве и его отсутствием в 3 л. ренарратива. В 1 и 2 л. формы ренарратива и конклюдива совпадают.

С другой стороны, статистические данные показывают, что в художественной литературе (и в разговорной речи) 88% ренарративных форм – это формы 3 л. [Куцаров 1984: 7], что связано с тем, что говорящий обычно воспроизводит в общении с адресатом информацию, полученную от третьего лица, не о себе и не об адресате, а о ком-то или о чем-то другом, т.е. причины для преобладающего употребления 3 л. в ренарративе – прагматические.

Обычно говорящий передает информацию о себе в индикативе, так как он сам является главным источником такой информации. Он нуждается в ренарративе в 1 л. ед. числ. очень редко – и то лишь в том случае, когда он хочет подчеркнуть, что передает информацию о себе с чужих слов. Например:

(16) *Аз съм бил* – IMPF R:1SG:M *в яхъра при конете и като ме чула как съм викал* – IMPF R:1SG:M, *рекла: Той лош чиляк.* ‘(X сказала, что) я был в конюшне у коней, и когда она услышала, как я кричал, сказала: Он – плохой человек’ (Йовков).

Еще реже говорящий использует форму 1 л. конклюдива. В этом случае на основе известных данных он восстанавливает при помощи умозаключения прошедшие события,

в которых он лишь физически участвовал, но интеллектуально “отсутствовал” – из-за болезни, потери сознания, сна, отсутствия воспоминаний, потери памяти, из-за пьянства, употребления наркотиков и под. Например:

(17) *Мълчах IMPF IND:1SG (...), но по някое време вероятно съм заспал – AOR C:1SG:M и без малко съм цял да падна – FUT PAST C:1SG:M ако майка ми не се бе присегнала – PQP IND:3SG:F да ме задържи.* ‘Я молчал..., но когда-то я, вероятно, уснул и упал бы, если бы моя мать не протянула руку, чтобы меня задержать’ (Б. Райнов) – герой рассказывает эпизод своего детства. Конклюдивными формами передаются действия, которые он не помнит, так как уснул в это время, но восстанавливает их путем умозаключений на основе действий, которые он помнит, и выражает их индикативом как лично засвидетельствованные.

Форма 2 л. ренарратива используется не при повествовании, а при передаче чужих слов о действиях слушателя. Это делается обычно с намерением проверить, считает ли адресат пересказанную о нем информацию истинной. Например:

(18) *Ти си цял да ставаш – FUT R: 2SG началник.*

(Говорят, что) ты станешь начальником / собираешься стать начальником.

Предложения с конклюдивом во 2 л. почти не встречаются по прагматическим причинам.

Иначе реализуется отношение между семантикой дубитатива и ГК лица. В этом случае чаще используются формы 1 и 2 л., чем формы 3 л., так как основное употребление дубитатива наблюдается в диалоге, а не в повествовании, как при употреблении ренарратива и конклюдива, хотя дубитатив встречается и в повествовании. Например:

(19) *Той просто изгони жените, като заяви, че щели били да гуляят – FUT DUB:3PL “по мъжки”.*

‘Он просто выгнал женщин, заявляя, что они, дескать, будут гулять по-мужски’ (Спасов) – (пример Е. И. Деминой [Демина 1959: 355]).

Дубитативная форма 1 л. ед. ч. обозначает, что говорящий не считает истинной чужую информацию о себе, нередко исходящую от адресата: в этом случае сомнение в истинности информации X-а наибольшее, так как естественно, что говорящий располагает знанием о своих действиях. Например:

(20) *Всички ми се смееха. Не съм бил можел – PRS DUB:1SG:M да свържа Черкювското поле със селото.*

‘Все смеялись надо мной. Я, дескать, не могу связать Черкювское поле с деревней’ (Каралийчев).

Употребление формы 2 л. дубитатива имеет место обычно при “передразнивании” для выражения недоверия, несогласия, возмущения, иронии по отношению к сказанному слушателем [Демина 1959: 354]. При “передразнивании” очень часто используется и транспозиция в форме лица – вместо формы личного местоимения 2 л. используется форма 3 л., чтобы дополнительно выразить отрицательное отношение к адресату вместе с отрицательным отношением к его утверждению. Например:

(21) *(... не ца да слушам такива приказки.) ... – Ох, светеца! Ох, непорочната калугерица! Не цял бил – PRS DUB:3SG:M да слуша.*

‘(... я не хочу слушать таких слов.) ... – Ох, святой! Ох, непорочная монахиня! Он (=ты), мол, не хочет слушать’ (Каралийчев).

Экскламативные предложения с адмиративом употребляются лишь в разговорной речи. Субъект адмиративных форм может быть выражен в трех лицах, но 1 л. встречается реже, чем 3 и особенно 2 л., что объясняется прагматическими факторами: говорящий редко может узнать удивляющие его факты о себе или передать связанные с удивлением оценки собственной персоны; чаще он выражает такого рода информацию, связанную с адресатом или с третьим лицом. Примеры употребления адмиратива в трех лицах:

(22) *Колко съм бил – PRS ADM:1SG:M наивен!*

‘Как же я, оказывается, наивен!’;

(23) *Я. ти вече си (бил) станал PRF ADM: 2SG:M!*

‘Смотри-ка, оказывается, ты уже встал!’;

(24) *Та тоя човек бил* – PRS ADM:3SG:M *светец!*

‘Так этот человек, оказывается, святой!’ (Вазов).

Можно обобщить, что связи между граммемами эвиденциальности и адмиративности и ГК лица проявляются в различной частотности форм, выражающих лицо, а их употребление зависит от разных семантических и прагматических факторов.

Эвиденциальность и адмиративность в их связях с ГК времени

Сложным образом развивались связи между ГК эвиденциальности и адмиративности и ГК времени глагола. В болгарском языке, как и в других языках Балкано-западноазиатского ареала, эвиденциальные системы развивались на основе перфекта индикатива. История возникновения эвиденциальности в болгарском языке в общих чертах известна. Можно привести убедительные примеры того, как, во-первых, значение одной темпоральной грамлемы в связи с определенной конфигурацией в темпоральной системе явилось предпосылкой для возникновения двух новых ГК – эвиденциальности и адмиративности, и во-вторых, как эти новые ГК на основе темпоральной системы индикатива создали свои специфические темпоральные системы.

Болгарский перфект обозначает, что глагольное действие совершилось перед интервалом отсчета (по темпоральной концепции Рейхенбаха [Reichenbach 1966]), а интервал отсчета включает в себя момент речи в основном употреблении перфекта. Понятие *интервал отсчета* вместо *момент отсчета* (point of reference), как было у Рейхенбаха, употребляется в последние десятилетия при описании темпоральных систем многими авторами и его использование является очень удачным для адекватного описания 9-членной болгарской темпоральной системы.

Перфект – это результативное время. Это означает, что результат действия в материальном или абстрактном варианте налицо в момент речи [Андрейчин 1976а: 279]. Поскольку у перфекта интервал отсчета включает в себе момент речи, когда налицо и результат действия, самое действие не связывается с определенным прошедшим интервалом, что позволяет представлять себе действие просто как факт, как нечто такое, что когда-то совершилось, соответственно, не совершилось, а не как конкретный процесс в его протекании. Не случайно поэтому и название перфекта в болгарской грамматике – это *прошедшее неопределенное время* (болг. *минало неопределено време*).

Кроме перфекта в болгарском языке существовали и существуют и теперь аорист и имперфект, у которых интервал отсчета находится в плане прошлого. Эти два времени, которые противопоставляются одно другому по признаку *континуативность*, обозначают действия в их протекании в связи с прошедшим интервалом отсчета, а не с точки зрения их результата в настоящем, как перфект.

В древнеболгарском (старославянском) языке все эти три времени обозначали действия, которые могли быть *воспринятыми или невоспринятыми* говорящим. При этом для перфекта еще со времени и.-е. праязыка характерно то, что в отличие от аориста и имперфекта, которые передавали объективно действия, перфектом говорящий обозначал в момент речи свое положительное или отрицательное отношение к прошедшему действию другого лица или к своему собственному действию [Добрев 1985: 11].

В современном болгарском языке перфект используется не только для эмоционального маркированного подчеркивания определенного действия в данном ряду последовательных прошедших действий, представленных аористом, но и в тех случаях, когда делается вывод, обобщение, констатация, выражаются обобщенно повторяющиеся или отрицаемые действия, спрашивается о предполагаемых действиях, т.е. когда идет речь не о конкретном протекании данного процесса, а о факте или о его отсутствии (см. [Андрейчин 1976б: 279–286; Маслов 1959: 283; Деянова 1966: 46–55; 1970; Герджиков 1984: 231–236]). В отличие от нормы болгарского стандартного языка в некоторых западноболгарских диалектах перфект употребляется даже и как нарратив вместо аори-

ста. Это, несомненно, связано с тем фактом, что в соседнем сербском языке перфект почти полностью вытесняет синтетические прошедшие времена – аорист и имперфект – и превращается в претерит. Во многих славянских языках перфект является претеритом, т.е. в этих языках определяющим является не признак ‘результативность’, а темпоральный признак ‘антериорность’, так как в этих языках исчезли остальные прошедшие времена – прежде всего аорист и имперфект.

В болгарском языке эти времена не только сохранились, но и приобрели дифференциацию своего значения по сравнению с древнеболгарским языком – они начали использоваться лишь для обозначения *воспринятых* говорящим действий, т.е. при их употреблении говорящий сигнализирует, что его личное восприятие является источником передаваемой глаголом информации. Это стало возможным потому, что и у аориста, и у имперфекта интервал отсчета представляет собой определенный прошедший интервал, в котором протекает действие аориста и который включается в более длительный интервал действия имперфекта. Поскольку глагольные времена образуют систему, и другие времена индикатива с прошедшим интервалом отсчета – плюсквамперфект и будущее в прошедшем, а также будущее предварительное в прошедшем – начали обозначать лишь воспринятые действия. При этом прямая засвидетельствованность в будущем в прошедшем и будущем предварительном в прошедшем – особого вида: она связана не с восприятием говорящим самого действия или его результата, как у плюсквамперфекта, а с его собственной информацией о том, что действие предстояло, подготавливалось, планировалось в определенном прошедшем интервале отсчета, после которого существовала самая большая вероятность его осуществления. Кроме собственной засвидетельствованности говорящим времена индикатива обозначали и действия, известные говорящему из опыта общества.

В то же время (XII–XIII вв.) болгарский перфект стал основой для образования перфектоподобных форм, соответствующих в начале лишь временам индикатива в плане прошлого, а затем и временам во всех темпоральных планах, хотя и в обобщенном виде (за исключением аориста) одна темпоральная форма для опосредованной информации соответствует двум временам индикатива, так как противопоставление между интервалами отсчета в двух разных темпоральных планах аннулируется, например, одна и та же парадигма для выражения настоящего времени и имперфекта, будущего и будущего в прошедшем, перфекта и плюсквамперфекта и будущего предварительного и будущего предварительного в прошедшем. Эти новые формы противопоставлялись индикативу, поскольку выражали обобщенно опосредованную засвидетельствованность с такими значениями, как *невосприятость*, *пересказываемость*, *конклюдентность*, подобно тому, как это имеет место в современном турецком языке, который сыграл роль катализатора при создании болгарской ГК эвиденциальности.

На второй стадии – в языке дамаскинов XVII–XVIII вв. – уже четко проявляется то, что двучленная эвиденциальная система превратилась в четырехчленную: ренарратив и конклюдив разграничились формально в 3 л. отсутствием / присутствием вспомогательного глагола *съм* ‘быть’, а семантическое разграничение проявилось в том, что опосредованное *собственное* знание или мнение на основе умозаключения противопоставляется информации из *речи третьего лица*. На этой стадии образовался и дубитатив путем прибавления причастия *бил*, *-а*, *-о*, *-и* от вспомогательного глагола *съм* ‘быть’ к ренарративным формам во всех случаях, где это было формально возможно. Семантически дубитатив стал отличаться от ренарратива по признаку выражения *сомнения* говорящего по отношению к истинности информации, полученной из речи третьего лица (подробнее об историческом развитии эвиденциальных граммем см. [Демина 1970; 1974; Герджиков 1984: 252–261]). Современная система темпоральных форм болгарских эвиденциальных граммем представлена следующими парадигмами:

Пиша 'писать'

ИНДИКАТИВ	КОНКЛЮЗИВ	РЕНАРРАТИВ	ДУБИТАТИВ
<i>Настоящее время</i>			
1. пиша		пишел съм	пишел съм бил
2. пишеш		пишел си	пишел си бил
3. пише		пишел	пишел бил
1. пишем		пишели сме	пишели сме били
2. пишете		пишели сте	пишели сте били
3. пишат		пишели	пишели били
<i>Имперфект</i>			
<i>Имперфект = Настоящее время</i>			
1. пишех	пишел съм	пишел съм	пишел съм бил
2. пишеше	пишел си	пишел си	пишел си бил
3. пишеше	пишел е	пишел	пишел бил
1. пишехме	пишели сме	пишели сме	пишели сме били
2. пишехте	пишели сте	пишели сте	пишели сте били
3. пишеха	пишели са	пишели	пишели били
<i>Будущее время</i>			
1. ще пиша		щял съм да пиша	щял съм бил да пиша
2. ще пишеш		щял си да пишеш	щял си бил да пишеш
3. ще пише		щял да пише	щял бил да пише
1. ще пишем		щели сме да пишем	щели сме били да пишем
2. ще пишете		щели сте да пишете	щели сте били да пишете
3. ще пишат		щели да пишат	щели били да пишат
<i>Буд. вр. в прошедшем</i>			
<i>Буд. вр. в прои. = Будущее время</i>			
1. щях да пиша	щял съм да пиша	щял съм да пиша	щял съм бил да пиша
2. щеше да пишеш	щял си да пишеш	щял си да пишеш	щял си бил да пишеш
3. щеше да пише	щял е да пише	щял да пише	щял бил да пише
1. щяхме да пишем	щели сме да пишем	щели сме да пишем	щели сме били да пишем
2. щяхте да пишете	щели сте да пишете	щели сте да пишете	щели сте били да пишете
3. щяха да пишат	щели са да пишат	щели да пишат	щели били да пишат
<i>Перфект</i>			
1. писал съм	бил съм писал	бил съм писал	
2. писал си	бил си писал	бил си писал	
3. писал е	бил е писал	бил писал	
1. писали сме	били сме писали	били сме писали	
2. писали сте	били сте писали	били сте писали	
3. писали са	били са писали	били писали	

Окончание

ИНДИКАТИВ	КОНКЛЮЗИВ	РЕНАРРАТИВ	ДУБИТАТИВ
<i>Плюсквамперфект</i>		<i>Плюсквамперфект = перфект</i>	
1. бях писал	бил съм писал	бил съм писал	
2. беше писал	бил си писал	бил си писал	
3. беше писал	бил е писал	бил писал	
1. бяхме писали	били сме писали	били сме писали	
2. бяхте писали	били сте писали	били сте писали	
3. бяха писали	били са писали	били писали	
<i>Будущее предварительное время</i>			
1. ще съм писал		щял съм да съм писал	щял съм бил да съм писал
2. ще си писал		щял си да си писал	щял си бил да си писал
3. ще е писал		щял да е писал	щял бил да е писал
1. ще сме писали		щели сме да сме писали	щели сме били да сме писали
2. ще сте писали		щели сте да сте писали	щели сте били да сте писали
3. ще са писали		щели да са писали	щели били да са писали
<i>Буд. предв. в прошедшем</i>		<i>Бъд. предв. в прощ. = буд. предварительное</i>	
1. щях да съм писал	щял съм да съм писал	щял съм да съм писал	щял съм бил да съм писал
2. щеше да си писал	щял си да си писал	щял си да си писал	щял си бил да си писал
3. щеше да е писал	щял е да е писал	щял да е писал	щял бил да е писал
1. щяхме да сме писали	щели сме да сме писали	щели сме да сме писали	щели сме били да сме писали
2. щяхте да сте писали	щели сте да сте писали	щели сте да сте писали	щели сте били да сте писали
3. щяха да са писали	щели са да са писали	щели да са писали	щели били да са писали
<i>Аорист</i>			
1. писах	писал съм	писал съм	писал съм бил
2. писа	писал си	писал си	писал си бил
3. писа	писал е	писал	писал бил
1. писахме	писали сме	писали сме	писали сме били
2. писахте	писали сте	писали сте	писали сте били
3. писаха	писали са	писали	писали били

Отрицательные формы всех эвиденциальных разновидностей образуются двумя способами: нефутуральные времена образуются путем присоединения к положительной форме частицы *не*, например, *не пиша, не съм пишел, не съм бил пишел* и т.п., будущие времена – путем включения в парадигму отрицательной формы вспомогательного глагола *имам* ‘иметь’, например, *ще пиша – няма да пиша, щял да пише – няма да пише* и т.п.

Как видно из табл. 2, синкретизм широко распространен в формах косвенной засвидетельствованности, особенно в формах 1 и 2 л. Конклюдив представлен временами лишь в плане прошлого, а у дубитатива по чисто формальным причинам (невозможности повторения причастия *бил*, *-а*, *-о*, *-и*) нет специальной формы перфекта / плюсквамперфекта – ее функцию выполняет аористная форма *писал съм бил*.

Еще сильнее проявляется синкретизм форм в причастно-страдательном залоге, где существуют только два вида форм эвиденциальных разновидностей косвенной засвидетельствованности: одни формы – для выражения всех нефутуральных времен, а другие – для всех форм будущего времени. У дубитатива по структурным причинам нет формы для нефутуральных времен [Герджиков 1984: 243].

Таблица 3

ИНДИКАТИВ	КОНКЛЮЗИВ	РЕНАРРАТИВ	ДУБИТАТИВ
Будущие времена ще е/бъде писан щеше да е/бъде писан	щял е да е писан (щял е да бѣде писан)	3 л. ед. ч. щял да е писан (щял да бѣде писан)	щял бил да е писан (щял бил да бѣде писан)
Нефутуральные времена писан е беше/бе/биде писан	3 л. ед. ч. писан е бил	писан бил	

Если рассмотренные эвиденциальные граммемы возникли в связи с тем, что интервал отсчета у перфекта включает в себя момент речи и действие представляется как факт в прошлом, что допускало выражение разного вида косвенной информированности говорящего по отношению к этому факту, то адмиратив возник иным путем. Он восходит к особому употреблению перфекта, так называемому перфекту констатации, в котором отсутствует вспомогательный глагол *съм* ‘быть’ в 3 л., как и в позднее появившемся ренарративе. Перфект констатации обозначает воспринимаемые говорящим в момент речи результаты не воспринятых прошедших действий. В некоторых ситуациях эти неожиданно воспринятые результаты действий контрастировали с предыдущим незнанием говорящего, когда он полагал, что более возможно $\neg p$, т.е. отсутствие действия. Например:

(25) *Какви сърца! Седнали – PRF IND: 3PL в работно време видео да гледат!*

‘Какие сердца! Сели в рабочее время смотреть видео!’ (Г. Мишев) – выражается возмущение говорящей зрительно воспринимаемой ситуацией, которую она считает ненормальной. Этот контраст между двумя когнитивными состояниями говорящего – неожиданно полученного знания и предыдущего незнания – порождает эмоциональную реакцию – адмиратив всегда эмоционально маркирован.

Так как со временем появилось имперфектное причастие в формах ренарратива и конклюдива (вначале это была служащая для опосредованной информации общая парадигма, в которой вспомогательный глагол *съм* ‘быть’ в 3 л. мог присутствовать или опускаться [Герджиков 1984: 255–261]), стало возможным по аналогии с перфектом констатации с аористным причастием употребить и перфектообразную форму с имперфектным причастием, чтобы выразить непрекращенное в момент речи действие (ср. [Иванчев 1976: 359]). Таким образом, формы с имперфектным причастием совпали с формами настоящего времени / имперфекта ренарратива, а формы с аористным причастием – с формами аориста ренарратива, хотя им свойственно подчеркнуто результативное перфектное значение. При этом “нормальные” адмиративные формы с аористным причастием для обозначения перфекта, совпадающие с ренарративными формами, дей-

ствительно, хотя и реже, встречаются как варианты форм без этого причастия, которые непосредственно связаны с перфектом констатации без вспомогательного глагола.

Взаимоотношение между эвиденциальностью и адмиративностью, с одной стороны, и категорией времени, с другой стороны, не исчерпывается периодом возникновения и первоначального развития первых двух ГК. Когда их семантика и формальный состав установились, эвиденциальность и адмиративность определили свой специфический темпоральный состав, отличный от состава индикатива. Как уже упоминалось выше, у ренарратива лишь аорист имеет то же значение, что и аорист индикатива, тогда как во всех остальных случаях ренарратив выступает в синкретических глагольных формах, в которых не различаются противопоставления между интервалами отсчета в двух темпоральных планах. Таким образом, 9 индикативным временам соответствуют 5 темпоральных форм ренарратива. В сфере дубитатива еще меньше различных темпоральных парадигм (4) из-за чисто формальных причин – невозможности еще раз употребить в качестве маркера дубитативности причастие вспомогательного глагола *съм* ‘быть’ в формах ренарратива там, где причастие уже налицо. У конклюдива тоже наблюдается ограничение в темпоральных парадигмах, но в этом случае причина кроется в семантике этой граммемы – ею обозначаются действия лишь в плане прошлого: у конклюдива 5 времен, но в отличие от ренарратива форма имперфекта конклюдива не обозначает и наст. вр., форма буд. в прош. не обозначает и буд вр., форма буд. предв. в прошедшем не обозначает и буд. предв. вр., форма плюсквамперфекта не обозначает и перфект, т.е. формы конклюдива менее синкретичны, чем формы ренарратива.

Семантика адмиратива – противопоставление когнитивного состояния незнания говорящего состоянию внезапно приобретенного нового знания – определяет его темпоральный состав. У адмиратива лишь 2 времени, у которых интервал отсчета включает в себя момент речи, – настоящее время и перфект.

Выводы

Проведенный анализ показывает, каким сложным образом взаимодействуют ГК глагола – время и эвиденциальность – в болгарском языке и как активные факторы в этом взаимоотношении могут меняться местами. Сначала темпоральное значение перфекта в оппозиции к темпоральным значениям имперфекта и аориста позволило развиваться новой оппозиции эвиденциального характера – *прямая засвидетельствованность*: *опосредованная засвидетельствованность*. Позднее отдельные эвиденциальные варианты опосредованной засвидетельствованности этой новой ГК образовали собственные темпоральные парадигмы, отличающиеся от индикативной. Ренарратив, конклюдив и дубитатив по-своему, более упрощенно, чем индикатив, локализуют события на темпоральной оси, а адмиративность связана лишь с темпоральной ориентацией наличного в момент речи результата прошлого действия или действия, еще не прекращенного в этот момент.

При этом оказывали влияние не только семантические, но и чисто формальные факторы, связанные с морфологическим инвентарем и с более общими правилами формообразования, например, с невозможностью в болгарской морфологии дважды использовать в одной форме одну и ту же морфему или одно и то же формальное слово с разными значениями в аналитических формах.

Что касается взаимоотношения ГК эвиденциальности и адмиративности с ГК лица глагола, то здесь основными факторами их сочетаемости являются факторы прагматические, обусловленные употреблением эвиденциальных граммем в нарративных текстах или в разговорной речи. Редко употребляются (и только в специфических прагматических условиях) синкретические формы ренарратива и конклюдива 1 и 2 л., а формы дубитатива используются чаще в 1 и 2 л., так как их употребление наиболее естественно в диалогической речи. Адмиратив употребляется лишь в разговорной речи, поэтому формы 2 л. встречаются чаще, чем формы 1 и 3 л. (в некоторых случаях форма 3 л. является транспозицией – она обозначает слушателя).

A – аорист
 ADM – адмиратив
 C – конклюдив
 DUB – дубитатив
 F – женский род
 FUT – будущее время
 FUT PAST – будущее в прошедшем
 IMPF – имперфект
 IND – индикатив
 M – мужской род
 N – средний род
 PL – множественное число
 PQP – плюсквамперфект
 PRF – перфект
 PRS – настоящее время
 R – ренарратив
 SG – единственное число

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андрейчин 1976a – *Л. Андрейчин*. Към характеристиката на перфекта (минало неопределено време) в българския език // П. Пашов, Р. Ницолова (сост.). Помагало по българска морфология. Глагол. София, 1976.
- Андрейчин 1976b – *Л. Андрейчин*. Начини на изказване // П. Пашов, Р. Ницолова (сост.). Помагало по българска морфология. Глагол. София, 1976.
- Апресян 1995 – *Ю. Д. Апресян*. Интегралное описание языка и системная лексикография // Избранные труды. Т. II. М., 1995.
- Бондарко 1996 – *А. В. Бондарко*. Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. СПб., 1996.
- Герджиков 1984 – *Г. Герджиков*. Преизказването на глаголното действие в българския език. София, 1984.
- ГК 2003 – Грамматические категории: иерархии, связи, взаимодействие. Материалы международной научной конференции СПб. 22–24 сентября 2003 г., СПб., 2003.
- Демина 1959 – *Е. И. Демина*. Пересказывательные формы в современном болгарском литературном языке // Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М., 1959.
- Демина 1970 – *Е. Дюмина*. Към историята на модалните категории на българския глагол // Български език. XX. 1970. № 5.
- Демина 1974 – *Е. Демина*. Место прошедших времен в системе модальных оппозиций болгарского индикатива // В памет на проф. Ст. Стойков (1912–1969). София, 1974.
- Деянова 1966 – *М. Деянова*. Имперфект и аорист в славянските езици. София, 1966.
- Деянова 1970 – *М. Деянова*. История на сложните минали времена в български, сърбохърватски и словенски език. София, 1970.
- Добрев 1985 – *Ив. Добрев*. Произход и значение на старобългарския перфект // Известия на Института за български език. Т. XXII. 1985.
- Иванчев 1976 – *Св. Иванчев*. Проблеми на развитието и функционирането на модалните категории в българския език // П. Пашов, Р. Ницолова (сост.). Помагало по българска морфология. Глагол. София, 1976.
- Козинцева 1994 – *Н. А. Козинцева*. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // ВЯ. 1994. № 3.
- Куцаров 1984 – *И. Куцаров*. Преизказването в българския език. София, 1984.
- Куцаров 1994 – *И. Куцаров*. Едно екзотично наклонение на българския глагол. София, 1994.
- Куцаров 1999 – *И. Куцаров*. Морфологична категория наклонение. Морфологична категория вид на изказването // Т. Бояджиев, И. Куцаров, Й. Пенчев. Съвременен български език. Фонетика, Лексикология. Словообразуване. Морфология. Синтаксис. София, 1999.
- Маслов 1981 – *Ю. С. Маслов*. Грамматика болгарского языка. М., 1981.
- Молошная 1995 – *Т. И. Молошная*. Синтаксические способы выражения косвенных наклонений в современных славянских языках // Вяч.Вс. Иванов, Т. И. Молошная, А. В. Головачева, Т. Н. Свешникова. Этюды по типологии грамматических категорий славянских языков. М., 1995.

- Мирчев 1963 – К. Мирчев. Историческа граматика на българския език. София, 1963.
- Мельчук 1998 – И.А. Мельчук. Курс общей морфологии. Т. II. Часть вторая: Морфологические значения // Wiener slavistischer Almanach, Sonderband 38/2. Москва; Вена, 1998.
- Ницолова 1984 – Р. Ницолова. Прагматичен аспект на изречението в съвременния български книжовен език. София, 1984.
- Ницолова 1993 – Р. Ницолова. Когнитивни състояния на говорещия, епистемична модалност и темпоралност // Съпоставително езикознание. XVIII. 1993. № 3–4.
- Ницолова (в печати) – Р. Ницолова. Модализованная эвиденциальная система болгарского языка (в печати).
- Плунгян 2003 – В.А. Плунгян. Общая морфология. М., 2003.
- Aikhenvald 2003 – А.У. Aikhenvald. Evidentiality in typological perspective // А.У. Aikhenvald, Р.М.У. Dixon (eds.). Studies in evidentiality. Typological studies in language (TSL). V. 54. Amsterdam; Philadelphia, 2003.
- Booij 2002 – G. Booij. The morphology of Dutch. Oxford; New York, 2002.
- Bybee 1985 – J. Bybee. Morphology: A study of the relation between meaning and form. Amsterdam, 1985.
- Curnow 2001 – Т.У. Curnow. Evidentiality and me: The interaction of evidentials and first person. Proceedings of the 2001 Conference of the Australian linguistic society. 2001.
- De Haan 1999 – F. De Haan. Evidentiality and epistemic modality: setting boundaries // Southwest journal of linguistics. 18. 1999.
- Dendal, Tasmowski 2001 – P. Dendal, L. Tasmowski. Introduction: Evidentiality and related notions // Journal of pragmatics. 33. 2001.
- DeLancey 2001 – S. DeLancey. The mirative and evidentiality // Journal of pragmatics. 33. 2001.
- Duchet, Pěrnaska 1996 – J.-L. Duchet, R. Pěrnaska. L'admiratif albanais: recherches d'un invariant sémantique // Zl. Guenchéva (éd.). L'énonciation médiatisée. Louvain; Paris, 1996.
- Fitneva 2001 – S.A. Fitneva. Epistemic marking and reliability judgements: Evidence from Bulgarian // Journal of pragmatics. 33. 2001.
- Friedman 1982 – V.A. Friedman. Reportedness in Bulgarian: Category or stylistic variant? // K.E. Naylor, H.I. Aronson, B.J. Darden, A.M. Schenker (eds.) Slavic linguistics and poetics. Studies for Edward Stankiewicz on his 60-th birthday 17 November 1980. International journal of Slavic linguistics and poetics. XXV / XXVI. 1982.
- Guenchéva 1990a – Zl. Guenchéva. L'énonciation médiatisée en bulgare // Revue des études slaves. LXII. 1990. № 1–2.
- Guenchéva 1990b – Zl. Guenchéva. Valeur inférentielle et valeur "admirative" en bulgare // Съпоставително езикознание. 1990. № 4–5.
- Guenchéva 1993 – Zl. Guenchéva. La catégorie du médiatif en bulgare dans une perspective typologique // Revue des études slaves. LXV. 1993. № 1.
- Guenchéva 1995 – Zl. Guenchéva. L'énonciation médiatisée et les mécanismes perceptifs // J. Bouscaren, J.-C. Franckel, S. Robert (éds.). Langues et langage. Paris, 1995.
- Guenchéva 1996a – Zl. Guenchéva (ed.). L'énonciation médiatisée. Louvain; Paris, 1996.
- Guenchéva 1996b – Zl. Guenchéva. Le médiatif en bulgare // Zl. Guenchéva (ed.). L'énonciation médiatisée. Louvain; Paris, 1996.
- Kuryłowicz 1964 – J. Kuryłowicz. The inflectional categories of Indo-European. Heidelberg, 1964.
- Lazard 2001 – J. Lazard. On the grammaticalization of evidentiality // Journal of pragmatics. 2001. 33.
- Meydan 1996 – M. Meydan. Les emplois médiatifs de *mış* en turc // Zl. Guenchéva (éd.). L'énonciation médiatisée. Louvain; Paris, 1996.
- Plungian 2001 – V.A. Plungian. The place of evidentiality within the universal grammatical space // Journal of pragmatics. 2001. 33.
- Reichenbach 1966 – H. Reichenbach. Elements of symbolic logic. New York, 1966.
- Squartini 2001 – M. Squartini. The internal structure of evidentiality in Romance // Studies in language. 25. 2001. № 2.
- Slobin, Aksu 1982 – D.I. Slobin, A.A. Aksu. Tense, aspect and modality in the use of the Turkish evidential // Tense – aspect : Between semantics and pragmatics. Amsterdam; Philadelphia, 1982.
- Weigand 1925 – G. Weigand. Der Admirativ im Bulgarischen // Fortsetzung des Jahresberichtes des Instituts für rumänische Sprache. Bd I. Leipzig, 1925.
- Wierzbicka 1994 – A. Wierzbicka. Semantics and epistemology: The meaning of 'evidentials' in a cross-linguistic perspective // Language sciences. V. 16. 1994. № 1.
- Wierzbicka 1996 – A. Wierzbicka. Comparing grammatical categories across languages: The semantics of evidentials // Semantics: primes and universals. Oxford; New York, 1996.